

Глава 1

Цзянчжоу, уезд Хуйцзюй. Это было захолустье четвертой категории — бедный, забытый край, который император Кайу вернул под власть Данин, но так и не успел реформировать и развить.

Единственное место во всей прибрежной области Цзянчжоу, которое, притулившись у подножия гор и повернувшись спиной к воде, оставалось бесплодным. За сотни лет прогресс так и не дотянулся до этой котловины, зажатой в самом углу имперских карт — на самом краю океана, но без малейшей надежды на его богатства.

Клан Цуй считался здесь богатейшим среди местных землевладельцев: добрые шестьдесят процентов земель всего уезда Хуйцзюй находились в руках соплеменников. Нынешнего главу клана звали Цуй Люй.

В народе же его прозвали Цуй-Котелок.

Словно перевернутый котел: богатство в него втекает, а наружу — ни монетки.

Яйца он ел строго по счету, рис в его доме варили так, что зерна рассыпались, не успев коснуться палочек, масло отмерялось каплями, а сковороды в кухне сияли такой чистотой, что в них можно было смотреться вместо зеркала.

О скупости его в Цзянчжоу слагали легенды. Вытянуть из него хотя бы медный грош было так же невозможно, как лишить его жизни. Репутация человека, который за полвека не позволил никому нажиться за свой счет, возникла отнюдь не на пустом месте.

Что и говорить, достаточно взглянуть на его отношение к наложницам.

Для любого, у кого водилась лишняя пара монет, наложницы были мерилом статуса. Не имея в задних покоях парочки прелестниц, приличный человек и в свет-то выйти стеснялся. Иные даже брали наложниц «в аренду» на короткий срок ради престижа, но Цуй Люй не желал тратить на это ни единого цзяня, не говоря уже о расходах на рис и муку для их содержания.

Потому он не только сам не заводил наложниц, но и сыновьям строго-настрога запретил даже думать об этом. Стоило кому-то посметь потратить лишнюю чашку риса на содержание живой игрушки ради плотских утех, и Цуй Люй собственноручно вышвырнул бы наглеца за ворота — в чем мать родила.

Живым свидетельством его суровости был его родной младший брат, ныне именуемый вторым господином Цуй — Цуй Гу. Еще до раздела семейного имущества Цуй Люй едва не забил его до смерти из-за одной-единственной наложницы, а позже, при дележе наследства, они до хрипоты спорили и дрались из-за каждой горсти зерна, съеденной той женщиной.

Так и вышло, что у троих его сыновей было лишь по одной законной жене, а все внуки и внучки родились от официальных супружниц.

При таком строгом воспитании потомки Цуй Люя должны были считаться завидными партиями. Однако, если не считать второго сына, которому повезло удачно породниться с более знатным родом, старший и младший сыновья взяли жен из простых семей. Даже две его дочери, не обделенные красотой, не смогли выйти замуж в высший свет Цзянчжоу — знатные дома воротили нос, едва узнав о скудности приданного.

Цуй Люю исполнилось сорок восемь, когда, спустя полгода после свадьбы младшего сына, он овдовел. Из-за того, что стоимость добротного гроба для покойной супруги превысила заложенный бюджет, он впал в черную меланхолию. Слово за словом, Цуй Люй повздорил со старшим сыном, занимавшимся похоронами матери, и той же ночью его хватил апоплексический удар.

С тех пор он пребывал в забытьи почти полгода.

Осенью двадцатого года правления Сюаньхэ династии Данин в главном поместье семьи Цуй в уезде Хуйцюй старший сын Цуй Люя, Цуй Юаньши, стоял на коленях в центре зала, окруженный старейшинами клана.

— Смертный гроб для твоей матери был заранее заказан из орехового дерева! Как же вышло, что в день погребения его заменили на сандаловый из пурпурного палисандра? Сколько родовых денег ты растратил, доведя отца до удара? Юаньши, как ты мог проявить такое неуважение и непочтительность к родителю?

Громче всех кричал второй господин Цуй, Цуй Гу. Приняв вид праведника, он якобы отстаивал интересы брата, всю пользуясь властью старшего родственника.

Трое сыновей и две дочери Цуй Люя, замершие в зале, хранили угрюмое молчание. Старший, Цуй Юаньши, и вовсе казался безучастным: он не произнес ни слова в свое оправдание, позволяя дяде осыпать себя обвинениями.

Цуй Гу, возомнив себя верховным судьей, размахивал руками перед старейшинами и соплеменниками, постепенно подводя к главной цели:

— Разве может столь нечестивый сын, доведший отца до беспамьятства, унаследовать титул главы клана? Дорогие братья, дядя, по-моему...

— И что же по-твоему должно произойти?

Зал собраний, освещенный огнями так ярко, что было светло как днем, был забит до отказа. Толпа соплеменников, жаждущих зрелищ, заполнила всё пространство, оставив в дверях

проход шириной едва ли в одного человека. Ослабевший Цуй Люй добрался до порога лишь благодаря поддержке слуг.

К счастью, перед выходом он выпил чашу заранее приготовленного на огне настоя из женьшеня. Переведя дух на галерее, он сумел собраться с силами и прервать пафосную речь младшего брата. Голос его, холодный и властный, заставил всех присутствующих вздрогнуть и обернуться.

Цуй Люй отстранил слуг. Плотно запахнув подбитую мехом лисы бурую мантию, он расправил плечи и твердым шагом прошел через расступившуюся толпу прямо к главному креслу.

Застывший на почетном месте Цуй Гу почувствовал, как по спине пробежал холодок под тяжелым взглядом брата. Он не мог пошевелиться, а в горле застрял нечленораздельный хрип — в этом звуке было больше ужаса, чем радости. Слово «брат» так и не сорвалось с его губ.

Цуй Люй прищурился. На его изможденном болезнью лице застыло выражение еще более мрачное и резкое, чем прежде. За время беспамятства его черты заострились, придав облику нечто зловещее, почти призрачное. От этого взгляда по коже пробегали мурашки, а в голове рождалось лишь одно желание — бежать без оглядки.

Едва он вошел, соплеменники поспешили расступиться, освобождая дорогу. Репутация скупого и своенравного тирана не померкла за время его недуга; даже ослабевший, он внушал такой трепет, что никто не смел перечить.

— Что такое? Это место настолько удобное, что ты не в силах с него подняться?

Этот вопрос с двойным смыслом ударил точно в цель. Цуй Гу подскочил на месте, словно ошпаренный, и замахал руками в панике.

— Нет, вовсе нет! Брат, я... я просто...

Цуй Люй не стал дожидаться оправданий. Он развернулся и сел во главе стола. Окинув взглядом старейшин, поспешно поднявшихся со своих мест, и замерших в почтении соплеменников, он произнес:

— Решили проводить меня в последний путь? Почему же все с пустыми руками? Где подношения на погребение? Сколько собрали? Подайте мне учетные книги, я лично проверю.

В зале воцарилась гробовая тишина. Люди не знали, сесть им или стоять. Пространство перед Цуй Люем мгновенно расширилось: соплеменники буквально вжались в стены, пряча глаза и боясь встретиться с ним взглядом.

Этот Цуй-Котелок, привыкший обглаживать кости дочиста, решил проверить взносы на

собственные похороны! Мало того что они ничего не принесли, так еще и в здравом уме ни один распорядитель не показывает такие счета виновнику торжества.

Впрочем, ни в небесном, ни в подземном мире не сыщешь призрака, который явился бы лично проверять свои похоронные дары. Уж не разозлился ли этот старик на том свете из-за отсутствия подношений, раз решил ожить и потребовать свое?

«Какой же проклятый лжец донес, что старший господин Цуй скончался?»

«Он же живет всех живых!»

«О боги, он стал еще страшнее, чем раньше!»

Соплеменники не смели поднять голов. Цуй Гу, у которого душа ушла в пятки, наконец обрел голос и, не выдержав напряжения, рухнул на колени.

— Брат... так ты в порядке? — пролепетал он дрожащим голосом.

Цуй Люй даже не удостоил его взглядом. Короткий путь до зала лишил его остатков энергии. Он поднял глаза на детей, стоявших внизу. Цуй Чэн, прослуживший ему полвека, немедленно приблизился с подносом и прошептал:

— Господин, настой женьшеня всегда держали на огне. Это тот самый фамильный женьшень из сокровищницы. Старший молодой господин лично следил за его приготовлением.

Цуй Юань продолжал стоять, опустив голову. Его братья и сестры не смели издать ни звука. Детей и внуков и вовсе заперли в комнатах. Все присутствующие замерли в ожидании вспышки гнева.

Фамильный женьшень. Коснуться его — значило подписать себе смертный приговор. Цуй Люй лично установил правило: при любых обстоятельствах, даже если он будет при смерти, этот корень нельзя трогать. Ничья жизнь не стоила больше богатства, способного возродить клан. Кровь Цуй может пролиться, но сокровище должно остаться нетронутым — пока жив хоть один из рода.

Цуй Чэн рассказал об этом не для того, чтобы подставить наследника. Прослужив господину полжизни, он надеялся, что Цуй Люй оценит сыновнюю почтительность и не станет требовать расплаты.

Цуй Люй на мгновение замер. Еще когда он пил первую чашу, он почувствовал, что сила этого отвара превосходит любой обычный женьшень. Без этой мощи он не то что не дошел бы до зала — он не смог бы даже подняться с постели.

— Хм. Я понял.

Не дав никому опомниться, он перевел взгляд на брата. Его голос зазвучал низко и угрожающе:

— Я в порядке. Ты, должно быть, разочарован? Цуй Гу, ты как всегда не в силах сдержаться. Вечно лезешь на рожон, не дождавшись, пока осядет пыль. Точь-в-точь как рыба в пруду: корм видишь, а крючка не замечаешь.

Цуй Гу молчал, обливаясь холодным потом. Цуй Люй не дал ему и шанса вставить слово. Он взмахнул рукой, и в зал ввели двух служанок, у которых от ужаса подкашивались ноги.

— Забить палками до смерти. Прямо здесь, перед залом, чтобы все видели. И пусть это станет уроком для каждого: если кто-то еще держит своих шпионов в моем доме — забирайте их немедленно. Иначе я лично развешу их головы на ваших воротах. Никто не уйдет от ответа.

Произнося это, Цуй Люй внимательно следил за старейшинами. Увидев, как побледнели лица некоторых из них, он понял, что не ошибся. За эти полгода не только Цуй Гу пытался запустить руку в его дела — хватало и других «стервятников», круживших поблизости.

Уголки его губ чуть дрогнули в презрительной усмешке.

— Значит, заглядываетесь на клановое серебро? Что ж, подождите. Как только я окончательно поправлюсь, я лично сведу счета с каждым из вас. Доходы каждой семьи, расходы каждого человека — я пересчитаю всё, дом за домом.

На самом деле он приходил в сознание последние три дня, но лишь на краткие мгновения. Поскольку рядом был только верный Цуй Чэн, слухи не просочились наружу. Это позволило Цуй Люю скормить чужим ушам ложные сведения, заставив Цуй Гу и остальных поверить, что его дни сочтены.

Потому даже его собственные дети не знали, что он уже очнулся.

Цуй Гу понял, что проиграл. В отчаянии он попытался найти оправдание и, указав на своего племянника, закричал:

— Брат! Брат, послушай меня! У меня и в мыслях не было захватывать власть! Я пришел лишь для того, чтобы наказать нечестивого сына! Если бы Юань самовольно не заменил ореховый гроб на палисандровый, ты бы не впал в беспамятство от гнева! Я действовал только ради тебя, я хотел проучить этого мальчишку!

Цуй Люй молча наблюдал за этой истерикой. Снаружи, перед залом, раздавались глухие удары палок и приглушенные стоны наказанных служанок. Запах крови, тяжелый и металлический,

проникал в помещение, давя на нервы присутствующих. Некоторые из соплеменников уже не могли стоять и осели на пол, другие просто отвернулись, дрожа всем телом.

— И что же? — холодно спросил Цуй Люй. — Я должен тебя поблагодарить?

<http://bllate.org/book/16118/1580390>